

Александр Феодосьевич Бестужев

О наставлениях и нравственных разговорах

Александр Феодосьевич Бестужев
О наставлениях и
нравственных разговорах
Серия «О воспитании», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4619319

Аннотация

«Правило, столь хорошо сочинителем Емиля объясненное, но которое было бы несоответственно начертанию общественного воспитания, состоит в соединении наставления с действием и правила с опытом. Воспитание одного человека весьма различествует от воспитания многих. Частный наставник, всегда находящийся при своем воспитаннике, может по своей воле располагать успехами; он может даже пользоваться теми, кои случай представляет, — словом сказать, он может следовать сочинителю Емиля, поколику снабден просвещением, правилами наставления, постоянством...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Александр Феодосьевич Бестужев О наставлениях и нравственных разговорах

Правило, столь хорошо сочинителем Емиля¹ объясненное, но которое было бы несоответственно начертанию общественного воспитания, состоит в соединении наставления с действием и правила с опытом. Воспитание одного человека весьма различествует от воспитания многих. Частный наставник, всегда находящийся при своем воспитаннике, может по своей воле располагать успехами; он может даже пользоваться теми, кои случай представляет, — словом сказать, он может следовать сочинителю Емиля, поколику снабден просвещением, правилами наставления, постоянством. Но общественный наставник, хотя всеми сими качествами одаренный, может ли, следуя тою же стезею, надеяться получить таковой успех?

В плане, здесь начертаваемом, мы не обременим приставленных к воспитанию таковыми попечениями, поелику весьма трудно и невозможно найти в них толикого просвеще-

¹ Имеется в виду знаменитый роман «Эмиль, или О воспитании» Жан-Жака Руссо (1762).

ния, какое по методу Емиля воспитателю нужно. Нельзя также требовать сего и от *надзирателя нравственного*², которому вверено общее смотрение за сею частью; ибо какие знания, добродетели и твердость в нем ни предположить, то все его попечения о воспитанниках своих не поз-

² Сему надзирателю нужно быть избрану (как мы прежде сказали в примечании о избраниях наставников на стр. 92 [116] второй части сего издания) из состояния военного, которому, кроме того, чтоб быть независиму от всех других должностей, надобно быть человеку известному, испытанному, почтенному, честно-му, знающему должности военные и гражданские и сведущу в предписаниях, законом общественному сему воспитанию определенных. Надобно ему иметь еще одного или двух, смотря по числу воспитываемых детей, помощников, имеющих таковые же способности и дарования. Прочие наставники или учителя избираются из общественных училищ: люди, которые бы не подвластны были никакой низости, были бы воспитаны в должной свободе и не принуждении, мысли имели (вольные, *нрав к раболепству не преклонный* – словом, такие, какими предписывает им быть *человеколюбивый и благонамеренный учредитель воспитания*, в гла[ве] IX Опыта о настав, и обуч. в собр. учрежд. и преди. касательно благо р. я мещ. юнош., стр. 239. «Чтобы достигнуть предполагаемого намерения, то есть дабы из сего заведения произвести подданных, отечеству полезных, надобно необходимо воспитателям и всем приставникам хранить в сердцах питомцев своих *веселость, вольные действия души и приятное учтивство*, чему быть не можно, ежели сего во всем обществе во всякое время и при всяком упражнении наблюдать не будут. Отвергнуть надлежит *печаль и уныние* от всех живущих в доме. Быть всегда *веселу и довольну* есть прямой способ к произведению людей здоровых, доброго сердца и острого разума. Сей образ жизни для них и для всех, кол в добрых делах обращаются, необходимо потребен». Число сих последних будет соответственно числу воспитанников, что зависеть должно от порядка распределения их на возрасты и на классы. Учреждать все сие обязан *нравственный надзиратель*. Мы не войдем здесь в прочие подробности распределения и обратимся, повторяю, к единой нравственности, о коей никогда особенно говорено не было.

волят ему действительно учинить то, в чем с великим трудом едва ли успеть можно при воспитании одного человека. Итак, мы принуждены отказаться от метода, претворяющегося тотчас неверным и неудобоисполнительным, когда захотим простерть оный от воспитания частного к воспитанию общественному. Мы довольны будем и тем, если достигнем того, что, возможно, и не вмешаемся в цлан мысленных и невозможных совершенств³.

³ Чтоб нравственному воспитанию быть в совершенстве и не подлежать вредоносным разнообразиям, то нужно бы, кажется, чтоб строения сего отделения юношества соединены или, когда уже обстоятельства не позволят по крайней мере, сближены были одно к другому, дабы с лучшего удобства главному попечителю и прочим можно было восстановить необходимую единообразность характеров между гражданами и не ошибиться в предназначениях к званиям, к которым дети по имени такого-то училища определены быть могут, в такое звание, к которому они не имеют желаний и неспособны. Следовательно, в сие училище нужно поместить всех детей, кои бы как к военному, так и гражданскому состоянию приуготовлялись так, чтобы воин к гражданскому званию, а судия к военному способны были, чтоб отечество имело как в тех, так и в других в нужде равных защитников. Установление сухопут. Кад. корп. таким образом учреждено. Итак, когда воспитанники обоих сих состояний будут находиться в одном училище, то нужно, чтобы был еще один нравственный надзиратель, и смотря также по числу, к сему состоянию определяемому, были бы даны ему помощники. Должность его есть преподавать науку законов и по правилам сих нравственных разговоров наставлять юношество примерами гражданских добродетелей. Сие училище, без сомнения, должно находиться в столице как в месте, где можно удобнее найти учителей, где стечение дарований из всего государства находится, где присутствие правительства внушает с большею деятельностью надзирать над вверенным столь важным предметом. В великих империях правило сие может иметь исключение: в них они могут быть расположены как в столице, так и в других лучших местах государства. Но строения сии должны быть расположены таким образом, чтоб никакие внешние предметы не развлекали детского

Естьли невежество отцов и суеверие матерей вселяют в душу детей предрассудки и ложные правила нравственности и веры, естьли заблуждение и порок распространяются и увеличиваются больше от вредных наставлений, во младенчестве получаемых, нежели от чего-либо другого, то для чего не можем мы основать и распространить силу истины и добродетели наставлениями, совершенно оным противными?

Для чего сим совокупным заблуждениям, сим ложным правилам, которыми обременяют память детей, невозможно противуположить истинных правил правосудия, благотворительности и всех гражданских добродетелей?

Для чего вместо некоторых понятий, повергающих дух в порабощение, не можно употребить таких, кои творят его благородным и возвышенным? Для чего говорить с видом презрения ты *червь земной*, не говоря никогда, что человек есть *царь природы*, поколику почитает законы ее, и что соделется ненавистнейшим чудовищем, коль скоро учинится злым и подлым?

Словом сказать, для чего вместо сих разговоров, сих действий, сих примеров, разверзающих душу к восприятию опасных страстей и преступных чувствований, не можно другими разговорами, другими действиями, другими приме-

внимания, ибо, естьли допустить сие, допустить к оным свободный вход всякому и выход, когда воспитывающемуся за благо рассудится, тогда не будет уже нужды ни в каком предписании, не надобно никакого правила, поелику всяк входящий сообщает свои и всяк из отлучающихся детей заимствовать будет те, кои воображению его легчайшими к исполнению представлятся.

рами обратить их к деяниям полезным и великодушным?

Человек рождается в невежестве, но не в заблуждении. Когда он в состоянии понять заблуждение, то в состоянии понять и истину. Но как не все заблуждения, так равно и не все истины могут быть детьми понимаемы; следовательно, надобно начинать с самых простейших и дойти по степеням до самых сложнейших; иначе на-твердят детям слова вместо понятий. Уста произносить будут истину, когда разум понимать будет заблуждение. Вот неудобство, которого наипаче должно избегать, когда занимаются наставлением детей.

Главный попечитель есть, без сомнения, тот человек, от которого все распоряжения должны зависеть; но как должности его многосложны и пространны в разсуждении всего относящегося к воспитанию, то и не можно его обременить никакими частными занятиями, и часть, которая предлежит нашему рассуждению, должна быть поверена, как мы уже сказали, *нравственному надзирателю*. Сие будет важнейшею и благороднейшею из его должностей. Достоинство, слава его должности, уважение, с коим она будет соединена, почтение, каковое прочие наставники или воспитатели внушать будут детям к сему начальнику, качества, коими одарен должен быть человек, на коего возложены таковые попечения, — все сии обстоятельства придадут большую силу его наставлениям и утвердят истину во всей силе мнения.

Время учения должно быть всегда поутру, ибо душа, не быв еще погружена в рассеянности дневные, лучшим об-

разом может принимать нужные знания и предаться истине, сведению ее подлежащей. Наставление должно продолжаться не более получаса, дабы не ослабить силы скукою и не требовать от детей должайшего внимания, нежели какое прилагать они в силах.

Предмет сей части воспитания не есть учить науке, но должностям. Не должно здесь заниматься определениями (definitions), но предписаниями. В сем-то состоит великое искусство нравственного надзирателя. Он должен скрывать все то, что производит впечатление, собственно, так названной науки. Он должен предполагать себе токмо истину, которая есть или по крайней мере долженствует быть только целию оной и единственным следствием. По счастью, правила, управляющие действиями человеческими, столь же ясны, столь же просты, колико заблуждение и педанство знания, стремящиеся помрачить ясность, мрачны, многосложны и бесконечным подлежат сомнениям. Итак, надзиратель нравственности всегда должен иметь пред очами своими возраст и назначение своих воспитанников, прибегать ко всем средствам, могущим возбуждать детское внимание, к коим он обращает речь свою, дабы соделать наставления свои гораздо яснейшими, прочнейшими и скуки не наводящими, употреблять в пользу сколько возможно происшествия, коих они были причиною или свидетелями, – словом сказать, он должен употреблять все те средства, которые ум, здоровое рассуждение, опыт и познание разума человеческого, в де-

тях, к коим он обращает речь, внушить могут, и тогда нечего
ому будет опасаться, что наставления его будут безуспешны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.